УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 894.2:82.0-1

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ВКЛАДА РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО МОНГОЛОВЕДНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.В. Кульганек

Аннотация

Статья посвящена одной из малоизученных проблем в монголоведении – историографии монгольского народного поэтического творчества. Автор характеризует деятельность российских собирателей, издателей и исследователей монгольской народной литературы, сравнивая их достижения в этой области с уровнем мировой филологической мысли. Автор работы приходит к выводам, что отечественное монголоведное литературоведение достигло больших успехов в изучении монгольского поэтического фольклора: оно поставило и решило многие вопросы, связанные с созданием, функционированием, структурой и художественными особенностями фольклора многих монголоязычных народов.

Изучение монгольского поэтического фольклора российскими исследователями развивалось в русле европейской фольклористики. Однако у российских ученых имелся целый ряд отличий от западных исследователей как в методике, так и в подходах к материалу. Разными были причины обращения и способы фиксации образцов, цели и задачи исследований.

Первые упоминания о монгольском фольклоре принадлежат западным путешественникам: Плано Карпини, Вильгельму Рубруку, Марко Поло. Все эти работы приходятся на время создания Единого монгольского государства и господства монголов на большой территории от Китая до Ближнего Востока. Сведений же русских путешественников о духовной жизни монголов этого времени не осталось. В.В. Бартольд считал, что причина этого кроется в том, что русские, войдя в монгольское государство, относились к монголам, как к части собственной территории. Поэтому была низка мотивация изучения монгольской культуры [1, с. 171]. Ситуация изменилась, когда Московское государство стало претендовать на объединение народов «под собственным флагом», т. е. в XVII в. [1, с. 184–196]. Нам известны имена русских послов и путешественников того времени: В. Тюменца (1616), И. Петлина (1618), К. Корякина (1632), Я. Тухачевского (1634), С. Греченина (1650), П. Семенова (1650), Д. Копылова (1654), Р. Старкова (1660), З. Тупальского (1664), П. Маврова (1664), более поздних – Н. Спафария (1675), Ю. Крижанича (70-е годы XVII в.),

а затем И. Савватеева (1697), С. Лангусова (1697), Г. Осколкова (начало XVIII в.). Основное их внимание было направлено на описание торговых путей, границ, географии региона [2, с. 5–7]. Чиновники, служба которых была непосредственно связана с бурятами, калмыками, проводившие достаточно много времени в монголоязычных регионах, оставили более пространные сведения о поэтическом искусстве этих народов. Часто записи касались и народной музыкальной культуры. К самым ранним сочинениям такого рода относятся описания светских и богослужебных обрядов и праздников, оставленные В.М. Бакуниным [3], секретарем калмыцких дел при Коллегии иностранных дел Российского государства, регулярно бывавшим в калмыцких улусах и принимавшим активное участие в урегулировании конфликтов с калмыцкими ханами в 20-х годах XVIII в. По его словам, духовный тип музыкально-поэтического творчества представлял собой «молитвы, музыку с колокольцами», «пение и колокольный звон» – он обслуживал религиозные потребности; светский же тип состоял из «музыки с припеванием песен» [3, с. 140–144].

На Западе с распадом Монгольской империей интерес к монголам снижается и переключается на Османскую империю и Китай. Монголия интересует теперь Запад как сосед Китая, в котором проживает монгольское население, как государство, через которое лежит путь в Китай. Уменьшение проникновения западных путешественников на Ближний Восток и Центральную Азию в XIV – начале XVII вв. объясняется также тем, что пришедшая на смену монгольской Юаньской династии китайская Минская династия, враждебная иностранцам, закрыла туда путь западным христианским миссионерам. А именно с ними изучение Востока связано самым теснейшим образом. Европейская наука очень многим обязана иезуитам, их труды составили эпоху в истории востоковедения: благодаря им был собран богатый фактологический материал по многим восточным языкам [1, с. 101, 103]. Иезуиты проникают в Японию, Корею, Китай, Монголию в XVII в. Однако их труды обрабатываются несколько позже. Это было связано с определившимся в то время в западном обществе мнением о превосходстве европейской культуры над восточной. Когда иезуиты делали успехи в попытках наладить контакты на Востоке, на Западе сформировалось пренебрежительное отношение к народам Востока. Увлечение памятниками Востока, возникшее в научной среде того времени, можно считать реакцией на сложившееся расхожее мнение о низком уровне развития стран Востока. Противоположные взгляды на восточную культуру, литературу, искусство, политику долго соседствовали и мирно уживались друг с другом как в западном, так и в российском монголоведении.

Одними из первых западных научных трудов о монгольской народной словесности можно считать работы Г.К. Габеленца, в которых им было высказано вполне лестное мнение о монгольском поэтическом творчестве. Он писал: «Монгольская поэзия в формальном отношении и по содержанию совершенно не имеет какого бы то ни было примитивного характера, а представляет собой относительно далеко ушедшее вперед стихотворное искусство» [4, с. 20–37]. Изучая хронику Санан-сэцэна «Эрдэнийн Товч», он распознал в ней 25 поэтических фрагментов, представлявших собой песни лирического содержания эпохи Чингис-хана, «вплетенные» в канву исторических сочинений.

Им был также поднят вопрос о структурном элементе монгольского стиха. «Неотступным требованием во всех стихотворениях, по-видимому, является параллелизм отдельных частей, который часто сказывается в повторении тех же окончаний (рифма) или тех же слов (припев). И то и другое обычно усиливается более или менее правильной аллитерацией начала стихов. С другой стороны, настоящий размер не существует и даже часто количество слогов является произвольным, поскольку параллелизм не налагает каких-либо определенных ограничений», – писал он [4, с. 30]. Данные выводы относительно параллелизма, который будет позже назван основным поэтическим приемом монгольской поэзии, были сделаны за несколько десятков лет до А.Н. Веселовского [5, с. 101–155], проследившего это же явление на примерах русского фольклора.

Однако Г. Габеленц видел параллелизм лишь в повторении окончаний и слов, именно эти повторы он признавал основными стихообразующими компонентами монгольского стиха. Ученым не была оценена вся многообразная палитра функций параллелизма. Лишь впоследствии эту отличительную особенность монгольской поэзии выявили в качестве основной, подтвердили и доказали российские монголоведы А.М. Позднеев [6], Б.Я. Владимирцов [7], Л.К. Герасимович [8].

Что касается мнения о произвольном числе слогов и об отсутствии «настоящего размера», то через полвека ученые пришли к обратному мнению, а именно – к мысли о существовании «приблизительной равносложности и равнословности» монгольской стихотворной строки [6, 7]. Более чем через век были сделаны выводы, касающиеся квантитативной природы монгольского стихосложения, ее ведущих ритмических определителей, которыми были признаны изохронность строк, членение строки на синтагмы, упорядоченные по времени произношения и количеству слогов [8, с. 123].

Г. Габеленц не задумывался над вопросом, являлись ли эти поэтические вкрапления естественными, органичными элементами исторических сочинений того времени или были случайными, зависевшими лишь от желания автора. Долгое время этот вопрос немецкой наукой не ставился.

Через 70 лет несколько замечаний о соотношении стихов и прозы в монгольском художественном творчестве высказал Б. Лауфер, сформулировав их в монографии 1907 года [9], переведенной на русский язык в 1927 г. Он допускал существование одного и того же произведения как в устной, так и в письменной традициях. При этом он указывал на то обстоятельство, что устно произведение передается «в отрывках», которые могут быть «значительно более обстоятельны» в одном каком-либо сочинении, чем «соответствующие места» в других исторических хрониках» [9, с. 73]. Чередование стихов и прозы в монгольском эпосе было замечено и В. Шоттом в 1851 г. [10]. Он обратил на это внимание при анализе перевода героического эпоса «Гесер», выполненного И.Я. Шмидтом [11].

Большой интерес к языку, культуре и фольклору монголоязычного населения проявляли немецкие гернгутеры, братья иезуитского ордена «Моравские братья», основавшие свою колонию в Сарепте, недалеко от Царицына (современного Волгограда), в 1765 г. Члены колонии настолько активно, живо и заинтересованно изучали культуру и язык калмыков, что впоследствии многие из

них стали крупными специалистами в области монголоведения и калмыковедения [12, с. 129]. Интересовались поэтическим творчеством первые колонисты Дж. Мальч (J. Maltsch), К. Нейтц (Conrad Neitz), одной из главных целей деятельности которых в калмыцких степях был перевод Библии [13] на *тод бичиг* – письменный ойратский язык. Б. Бергман, один из членов Братства, сделал перевод двух глав из «Гесера» и одной главы «Джангара» [14]. Им не был выявлен стихотворный характер произведений. Сам Б. Бергман считал переведенные им произведения сказками, и записаны они были прозой[1]. Другой колонист, Я.И. Шмидт, стал родоначальником российского монголоведения, первым академиком-монголоведом Российской Академии наук.

Живое слово, народная культуры и поэзия монгольских народов привлекали внимание английских миссионеров, направленных в Забайкалье в 1818 г. Лондонским миссионерским обществом и проживших в Бурятии более двадцати лет[2]. Наряду с переводами на старомонгольский язык «Ветхого Завета» и «Нового Завета», они составляли грамматики, азбуки, сборники текстов для учебных целей [15, с. 55]. Миссионеры К. Рамн (Cornelius Rahmn), У. Сван (William Swan), Р. Джуйль (Robert Yuille)[3], Э. Сталлибрасс (Edvard Stallibrass) являлись знатоками монгольского быта и этнографии [15, с. 26], они проявляли выраженный интерес к поэзии окружавшего их бурятского населения. Р. Джуйль пробовал свои силы в написании поэтических произведений на монгольском языке [16]. Э. Сталлибрасом, имевшим постоянное место жительства и типографию в Селенгинске [15, с. 25], на реке Селенге, в 100 км от современного Улан-Удэ, было собрано большое количество песен селенгинских бурят.

В середине XIX в. в Берлине появилась работа о монгольских песнях немецкого исследователя К. Штумпфа [17]. Написана она была на основе материалов, полученных от английского миссионера Э. Сталлибрасса, возглавлявшего более двадцати лет работу английской миссии в Забайкалье. Эти песни были переданы вместе с другими отцовскими рукописями в библиотеку его младшим сыном Дж. Ст. Сталлибрассом[4]. Именно К. Штумпфом были опубликованы первые нотации монгольских мелодий. Сборник мелодий, записанный А.Д. Рудневым, насчитывавший более 100 мелодий, вышел более чем через тридцать лет [18]. Работа содержит комментированный перевод песен; в ней автор рассматривал проблемы, сходные с теми, которые поднимал восемь лет

---

[1] Оригиналы произведений, переводы которых были записаны Б. Бергманом, до сих пор не обнаружены.

[2] См. об этом работы: *Bawden C.W.* Shamans, Lamas and Evangelicals. The English Missionaries in Siberia. – London, 1985; *Lovett R.* The History of London Missionary Society: 1795–1895. – London, 1899; *Вагин В.И.* Английские миссионеры в Сибири // Изв. Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1871. – № 1, 4, 5; *Жмакин В.* Английская миссия за Байкалом: 1817–1840 // Христианское чтение. – 1881. – № 9, 10; *Рыбаков Г.С.* Английские миссионеры в Забайкальской области // Исторический вестн. – 1905. – № 99.

[3] Такую транскрипцию этого имени вместо используемой до настоящего времени – Юилль, Юель, Юйль – предложил, основываясь на шотландском происхождении Роберта Джуйля, заведующий лабораторией новых поступлений восточной литературы Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета Великобритании Майкл Хини, занимавшийся деятельностью английских миссионеров (Личная консультация).

[4] В Германии к тому времени сложилось мнение, что записи принадлежат самому Дж. Ст. Сталлибрассу, однако мы утверждаем, что они принадлежат его отцу – Эдварду Сталлибрассу, так как сын родился в 1834 г. (*Bawden C.W.* Shamans, Lamas and Evangelicals. The English Missionaries in Siberia. – London, 1985. – P. 199). Таким образом, на момент отъезда старшего Сталлибрасса из Сибири сыну было 8 лет. Следует также указать на то, что записанные песни относятся не к прибайкальским, как о них сказано автором издания, а к песням селенгинских бурят, т. е. забайкальским.

назад А.М. Позднеев [6], т. е. вопросы о содержании песен, обстоятельствах их создания, бытования, взаимодействии с иными поэтическими жанрами. Все они будут разработаны учеными в дальнейших исследованиях, на новом уровне филологической науки, с использованием новых методов и при наличии совершенно иного корпуса поэтического материала.

На рубеже XIX – XX вв. и в начале XX в. много было достигнуто в деле собирания монгольского поэтического фольклора финским ученым Г.Дж. Рамстедтом. Из двух своих довольно продолжительных поездок в северо-западную и северную части Монголии[1], которые он совершил при большой поддержке российских ученых и официальных лиц, он привез 215 страниц фольклорных записей, что составило почти половину всех остальных записей, сделанных им и уцелевших[2] во время путешествий. Более чем через 20 лет после смерти Г.Дж. Рамстедта Х. Халеном на основе архивных материалов, хранившихся в Хельсинки, был подготовлен и издан двухтомник народной поэзии северных монголов, собранной в свое время Г.Дж. Рамстедтом [19]. Х. Хален, подготавливая тексты к изданию, видел, что Г.Дж. Рамстедт «обладал верным чувством текста», «старался передать все разговорные обороты как можно более точно» (moglichst true), что транскрипция была разработана прекрасно, что она хорошо передавала энклитические (диалектные) формы языка, однако все-таки он считал его переводы переложениями (Űbertragungen) [19, p. XI], находил, что они не всегда точны, иногда излишне декоративны (dekorativ), некоторые части не переведены, другие содержат ошибки. Х. Хален, используя имевшиеся в тому времени издания, выверил перевод, дал подстрочный комментарий, указатель монгольских слов (главным образом имен собственных), указатель информантов, места, времени записи текстов. Вся эта информация чрезвычайно важна для фольклориста. Издание содержит 67 произведений малых поэтических жанров, разделенных на два раздела: «Песни» (Lieder) и «Благословения и молитвы» (Segenssprüche und Gebete). В разделе песен имеется 60 произведений. Среди них много хорошо известных и любимых монголами, таких, как «Ласточка с золотой грудкой», «Гавалмаа», «Сийленбор», «На золотой священной вершине горы», «Первый из десяти тысяч», «На прохладном свежем ветру», «Соловей», «В изменениях времен года» и др.[3]. Введение в научный оборот большого количества неизвестных ранее текстов, собранных Г.Дж. Рамстедтом, имело большое значение для фольклористов, оно дало возможность использовать добротный дополнительный полевой материал для сравнительного изучения произведений малых жанров монгольского фольклора.

Эти основные труды западных ученых о монгольском фольклоре создали благоприятную почву для позднейших собирателей и исследователей, которые продолжили разработку теоретических проблем, связанных со структурой и содержательной стороной монгольской лирики.

---

[1] Первая поездка продолжалась с декабря 1898 по февраль 1901 года, вторая: с мая 1909 по сентябрь 1919 года,

[2] К сожалению, большая часть архива первой поездки пропала во время транспортировки в Россию.

[3] Номера этих песен следующие: 86,89, 90, 95, 96, 98, 99, 101, 102, 104, 107, 110, 112, 114, 115, 119, 120, 129, 133, 136, 137.

К началу XX в. российские монголоведы подошли с гораздо большими результатами как в отношении количества фольклорной информации, так и широты охвата исследуемого материала и глубины в его проникновения.

Первые шаги отечественной науки были тесно связаны и во многом определялись участием в научных изысканиях иностранных ученых, находившихся на службе Российского государства. При Петре I была осознана необходимость помимо географических и естественно-исторических наук развивать отрасли знания, касающиеся этнографии, культуры разноплеменных народов, входивших в состав Империи. Большое внимание народному творчеству монголоязычных народов было уделено так называемыми «физическими» экспедициями, которые отправляла Российская Академия наук в течение XVIII в. в районы проживания калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. Это экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1720–1727), Г.Ф. Миллера (1735–1741), П.С. Палласа (80-е годы XVIII в.) [20, с. 5]. Среди собираемого ими этнолингвистического материала попадались и народные поэтические образцы, которые входили в круг их интересов.

В XVIII в. после указа Петра I о создании в Иркутске первой школы «мунгальского языка», изначальные цели которой были чисто практическими, интерес к поэтической культуре монголов обозначился более четко. На первом этапе закономерен был несколько односторонний взгляд на устное народное поэтическое творчество монголов. Он был связан с вынужденной избирательностью, которая диктовалась ограниченным набором фольклорных произведений, введенных в научный оборот, знанием не всех, а лишь некоторых фактов. Все это влияло на позицию исследователя по отношению к ранней монгольской лирике. Однако можно сказать, что уже в самом начале знакомства заинтересованных лиц с монгольским поэтическим фольклором высказывались определенные мнения и суждения, формировалась та или иная точка зрения, делались шаги по пути осмысления и изучения этого вида творчества. Первое практическое соприкосновение с монгольским фольклором стало началом теоретического подхода к изучению его поэтики.

Суждения о монгольском народном творчестве первых исследователей можно сформулировать таким образом: монгольские народные произведения незамысловаты; большая часть их несамостоятельна; явно выражен буддийский элемент; они точно следуют реальной жизни; противоречат западной эстетике. Высказанные мнения соответствовали теоретическому уровню исследователей того времени, разработанности терминологии, понятийного аппарата. Положительными моментами выводов того времени можно считать признание за монгольскими народами существования народного поэтического творчества, выделение различных жанровых типов, связь народного творчества с бытом, условиями жизни народа, существование разнящихся друг от друга вариантов произведений различных монгольских племен.

Новый этап в изучении монгольского фольклора в России начался в конце первой трети XIX в., в период возникновения монголоведения как самостоятельной науки. Начало его связано с основоположником российского монголоведения и основателем первого научного монголоведного центра в России, выдающимся ученым О.М. Ковалевским. На следующую ступень изучение поэтики народной литературы монгольских племен перешло с учреждением фа-

культета восточных языков в Санкт-Петербургском Императорском государственном университете в 1855 г. Оно ознаменовалось исследованиями преподавателей и профессоров университета К.Ф. Голстунского и А.М. Позднеева.

Третьей ступенью можно назвать период формирования монголоведной диалектологии, привлечения внимания монголоведов к разговорному языку монгольских народов, что привело к сбору такого огромного количества фольклорного материала, который, по утверждению А.Д. Руднева относительно объема фольклорного материала, собранного Ц. Жамцарано, «не был собран ни у одного другого народа» [7, с. 7]. Это время приходится на начало и первую треть XX в. и связано с именами Ц. Жамцарано, В.Л. Котвича, А.Д. Руднева, Б.Я. Владимирцова.

Однако признание в научном мире наличия среди фольклорных поэтических произведений образцов высокого художественного уровня, а также бережное отношение ко всему культурному наследию монголов выкристаллизовалось не сразу. Еще в XIX в. высказывались мнения, принижающие способности монголов то в одном, то в другом виде духовной деятельности. Так, О.М. Ковалевский в одной работе сделал замечание, отказывавшее монголам в потребности «стройной науки», которая, по его мнению, «номадам показалась бы излишним предметом роскоши, не соответствующей местной нужде» [22, с. 5]. Правда, в данном случае речь шла не обо всем творчестве монгольского народа, а лишь о грамматиках, которых, по мнению О.М. Ковалевского, до XVIII в. «вообще не существовало и о которых никто до того времени не думал»[1]. К счастью, такие категорические выводы касались не всей духовности, а только ее определенной части и не затрагивали поэтического наследия монголов. Тот же О.М. Ковалевский о монгольском фольклоре отзывался с большим воодушевлением. В предисловии к своим главным трудам – «Монгольской хрестоматии» и «Русско-монгольско-французскому словарю» – он называл поэтическое творчество обязательным компонентом общей художественной культуры народа. Слова о том, что он вводит в «Хрестоматию» тексты, которые «познакомят читателей с духом сочинений, составляющих столь богатую литературу», определенно характеризовали мнение О.М. Ковалевского о монгольском художественном творчестве как богатом и достойном внимания [23, с. 4]. В предисловии к «Русско-монгольско-французскому словарю» он писал, что народное поэтическое творчество представляет собой «необходимую часть для составления словаря монгольского народа» [24, с. 7]. При работе над словарем он «подслушивал пословицы, сказки, песни», потому что только с включением фольклорных образцов его словарь мог отразить все сферы жизни монгольского народа [24, с. 7].

На тесную связь народных песен калмыков с бытом и жизненным укладом народа обратил внимание А.В. Попов. Молодой ученый, а впоследствии первый заведующий кафедрой монгольской и калмыцкой словесности Санкт-

[1] Само по себе это мнение было не совсем верным, так как монгольские грамматики существовали начиная с XIV в. и одной из них была известная грамматика монгольского языка Чойджи Одзера, в которой буквы были сгруппированы по разделам, и каждой дана характеристика. Несомненно, это произведение можно было с полным правом назвать научным лингвистическим трудом высокого теоретического уровня. Однако во время составления О.М. Ковалевским грамматики ученому миру это сочинение еще не было известно.

Петербургского Императорского государственного университета (в то время экстраординарный профессор Казанского университета), возвратившись из летней четырехмесячной командировки в калмыцкие улусы Астраханской, Саратовской губерний и Кавказской области, представил подробный отчет, содержавший материалы по истории калмыцких песен, в котором он главное внимание обратил на их бытование [25].

Таким образом, можно сказать, что к этому времени четко очерчивается интерес к устному народному творчеству монгольских народов. Однако вопросы поэтики во всем объеме современного понимания этой проблемы еще не ставились. Они были ограничены признанием существования богатого фольклорного наследия, выражением в нем «духа» сочинений, составляющих монгольскую литературу.

Попытку перевода поэтического монгольского фольклора предпринимает и первый бурятский ученый Д. Банзаров. Во время обучения в Казанском университете (1842–1846) он перевел известную поэму об Убаши-хун-тайджи с ойратского языка и отдал О.М. Ковалевскому. К сожалению, перевод сгорел вместе с другими бумагами ученого во время пожара в Варшаве в 1863 г. [27, с. 56]. Но через десять с небольшим лет появился второй перевод этой поэмы. Он был выполнен Галсаном Гомбоевым и помещен в изданной им в Петербурге в 1858 г. летописи «Алтан Тобчи» анонимного автора в качестве приложения под названием «История Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами»[27].

Проблема вычленения стихотворного текста из прозаического в монгольских сочинениях всегда была нелегким делом, даже для таких блестящих знатоков народного творчества, как бурят по происхождению А.А. Бобровников, воспитанный на любви к национальной культуре. Опубликовав впервые перевод одной торгутской песни «Джангара» в 1855 г., совершенно справедливо оценив это произведение как «народное», «самобытное», «оригинальное калмыцкое», он не разглядел в тексте ритмически организованной структуры, которая могла бы стать основанием для отнесения этого произведения к стихотворным. Он перевел песню прозой и охарактеризовал ее как «народную калмыцкую сказку». По-настоящему открыл «Джангар», понял его поэтическую структуру К.Ф. Голстунский. С помощью грамотных калмыков он записал на старописьменном калмыцком языке *тодо бичиг* две песни из поэмы и в 1864 г. издал их литографическим способом [29]. Позже исследованием этого памятника занимались В.Л. Котвич [30], С.А. Козин [31], А.Ш. Кичиков [32], Г.Ц. Пюрбеев [33], Н.Ц. Биткеев [34] и другие. Что касается стихотворных отрывков в первом памятнике монгольской письменности – «Тайной истории монголов», который вошел в советское востоковедение под названием «Сокровенное сказание монголов», введенным С.А. Козиным, то в их наличии не сомневался уже А.М. Позднеев. Ему принадлежат слова: «Древнейший памятник монгольской литературы, который мы имеем в настоящее время и который по времени своего составления относится к 1242 году нашего летосчисления, – «Юань-чао-ми-ши» – уже изобилует стихами» [6 с. 320]. Через 10 лет это повторил В.В. Бартольд [36, S. 196].

А.М. Позднеев первым обратился непосредственно к теоретическим проблемам монгольской лирической поэзии. Он проанализировал идейное содер-

жание, структуру, художественные особенности, технические приемы монгольских народных песен [6].

Немало интересных наблюдений о поэтическом творчестве монгольских народов и заметок было рассеяно по отчетам, публикациям в журналах XIX в., таких, как «Живая старина», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Труды Восточного Отделения Императорского Археологического общества». Их оставили путешественники М.В. Певцов, В.И. Роборовский, Н.М. Пржевальский, Г.Е. Грум-Гржимайло, Г.Н. Потанин, принимавшие участие в экспедициях, организованных Российским Императорским Географическим Обществом, с учреждением которого в 1845 г. началось активное изучение Средней и Центральной Азии, Дальнего Востока, Туркестанского края. Наибольшее количество монголоязычного поэтического материала было собрано Г.Н. Потаниным [37] в его четырех экспедициях по Монголии, Тибету, Китаю, каждая из которых продолжалась подчас более трех лет. Он был одним из первых европейцев, кто оставил описания песнопений шаманских камланий. Г.Н. Потаниным было собрано несколько сотен песен. Несмотря на то что он, не владея монгольским языком, все записи делал по-русски, используя переводчиков, он оставил много наблюдений относительно поэтической структуры монгольских песен. Например, Г.Н. Потанин отметил наличие во всех песнях приема параллелизма, сделал замечания о различной жанровой принадлежности монгольских поэтических произведений. При всех явных недостатках полевого сбора материала, проводимого подобными методами, издания Г.Н. Потанина имели большое значение для изучения монгольского фольклора. Он собрал большой и совершенно уникальный материал; подобный подвиг не был пока повторен никем: нет ни одного специального научного издания, в котором бы имелось больше образцов монгольского поэтического фольклора.

Ближе всех по количеству собранного фольклорного материала к Г.Н. Потанину подошел Ц. Жамцарано, совершивший с 1903 по 1907 годы три летние этнолого-лингвистические экспедиции по Бурятии, а затем, в 1909 г., предпринявший поездку в Монголию по заданию созданного в 1902 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, откуда он привез фольклорный материал по многим монгольским и бурятским говорам. Ц. Жамцарано не оставил после себя монографического исследования о народной поэзии, но его высказывания в предисловиях к изданиям сборников фольклора монгольских племен [38], заметки, сохранившиеся в архивах Санкт-Петербурга [39] и Улан-Удэ [40], говорят о его больших знаниях и глубоком понимании поэтического творчества монгольских народов, главным образом монголов и бурят. Монгольский фольклор он разделял на 5 больших разделов. Считая его достаточно самобытным, тем не менее он не отрицал сильного индийского и тибетского влияния. Ц. Жамцарано поднял вопрос о жанрах поэтического творчества, о вариативности фольклора, исполнительском мастерстве, различных школах и их связях.

Исследовательские проблемы решались параллельно с собирательскими. Эмпирический, классифицирующий и теоретический периоды, которые выделил некогда в каждой науке Макс Мюллер [41, с. 4], оказались слиты воедино

применительно к изучению поэтики монгольской народной поэзии. Уже на начальном, эмпирическом этапе были высказаны соображения, касающиеся общего характера поэтического народного творчества монголов, т. е. были четко обозначены черты третьего периода. Однако в развитии науки о монгольской поэтике можно выделить одну особенность: именно тогда, когда, казалось бы, материала было недостаточно для глубокого анализа и в распоряжении исследователя находилось лишь несколько отрывочных образцов или произведений, относящихся к одному региону, этнической группе, исследователь делал достаточно широкие обобщения. К таким общим заключениям можно отнести выводы, сделанные о монгольской народной поэзии Е.Б. Тимковским [42], приставом при 10-й Российской духовной миссии, Н.Я. Бичуриным [43], М.В. Певцовым [44] и Н.М. Пржевальским [45].

В новое время перед монголоведным литературоведением встали иные теоретические проблемы, потребовавшие знания языка, истории, культуры, этнографии народа, иной методологии и методов исследования. Впервые ученые подошли к проблемам генезиса поэтических жанров, взаимовлияния поэзии разных монгольских этносов. Монголоведы обратили внимание на различное функционирование фольклорных жанров, на своеобразие структуры, на художественные и языковые особенности произведений в зависимости от регионов монголоязычного мира. Их стали интересовать особенности бытования фольклорных жанров, связь с жанрами иных регионов центрально-азиатского мира, роль собирателя, информанта, тематическая классификация поэтических произведений, влияние буддизма, шаманизма, связь изображаемых событий и воспеваемых чувств с реальной действительностью, происхождение некоторых поэтических символов, поэтические воззрения монголов на природу, детский поэтический фольклор, мифологические персонажи, отражение древних культов в песенной поэзии, связь обрядности (похоронной, свадебной) с поэзией, фантастические образы, пространство, время, вещный мир, человек, общество, числовые модели в народной поэзии, коммуникативный аспект поэтического текста, особенности профессиональной лирики в устной народной монгольской традиции.

Новый взгляд на предмет исследования стал возможен в конце XIX в. в связи со знакомством монголоведов с методиками исследований, которые впервые были применены к западному материалу и дали начало таким направлениям в филологии, как диалектологическое языкознание и сравнительно-историческое литературоведение, с работами диалектологов-языковедов и литературоведов сравнительно-исторической школы (А.Х. Востоков, Я. Гримм, А.Н. Веселовский). Выводы ученых имели непосредственное отношение к фольклористике и поэтике фольклора.

Наиболее интересные и глубокие наблюдения о поэтике народного творчества были сделаны Б.Я. Владимирцовым, основателем российского монголоведного литературоведения и фольклористики. Он ввел понятие «народная литература», приравняв его к фольклору, причем ученый не без основания считал, что к фольклорным произведениями можно относить только те произведения, которые представляют собой образцы народно-поэтического творчества, т. е. те, которые «отражают дух народа, его стремления и чаяния». Он поднял

вопрос о связи понятия народности и распространенности произведения, совершенно справедливо утверждая, что распространенность в народе еще не является признаком народности (т. е. фольклорности), так как имеющие большое хождение в народе произведения вполне могут быть образцами «личного творчества или сочинительства» [46, с. 87–89]. Отличительными чертами последних является «не вполне складное воспевание своих святынь, монастырей, храмов, богоугодных подвигов лам и князей» [46, с. 89]. Впервые пытаясь установить критерий «фольклорности», отличие этого понятия от «литературности», он нашел главные признаки фольклорного произведения, которые, по его мнению, состояли в совершенстве формы и содержания. Их он назвал «складностью». Не всегда «складное» воспевание, т. е. несовершенство художественных достоинств, было той отличительной особенностью, по которой можно было опознать произведение, не относящееся к подлинно народному, а значит, не являющееся образцом истинного народно-поэтического творчества. Он также считал, что в произведениях «личного творчества» присутствуют «слова и выражения, свойственные только письменному языку, а также позаимствованные из языка тибетского» [46, с. 89]. Эти замечания можно считать ключевым для дальнейшего развития теоретических взглядов ученых российской школы на поэтику монгольского народного поэтического творчества.

Б.Я. Владимирцовым впервые было понято, что усвоение заимствованного, принятие и переработка «чужого» несли в себе положительные моменты для монгольской литературы, что инокультурное влияние не только обогатило художественную традицию, но и, как выявила дальнейшая история, оказало большую услугу мировой культуре, поскольку «монгольская литература сохранила несколько памятников индийской литературы, которые в самой Индии или исчезли совершенно, или сохранились в совершенно другой форме» [47, с. 57]. Б.Я. Владимирцов первый обратил внимание также на роль исполнителя, функциональность самих произведений, многообразие исполнительских школ. Все это сближает Б.Я. Владимирцова с исследователями, работавшими в сравнительно-историческом направлении литературоведения, и его взгляды на то, что создателями некоторых ойратских былин являлись аристократы, не дают основание причислять его к сторонникам «теории аристократического происхождения фольклора», основной идеей которых было утверждение, что былинщики выражали интересы аристократических слоев общества. Б.Я. Владимирцов же считал, что ввиду крайне слабого классового расслоения ойратского общества, певцы своими произведениями выражали «народные монгольские идеалы, народные представления о «настоящей», прекрасной жизни» [47, с. 364]. Существенно мнение Б.Я. Владимирцова о жанре первого письменного памятника «Тайной истории монголов». Обнаружив в его ткани не очень хорошо скрытые швы, соединявшие неоднородный материал, он пришел к заключению, что в составе этого памятника есть немало фольклорных произведений, среди которых имеется большое количество образцов народной лирики.

Тема связи фольклора и литературы нашла яркое выражение в его работе о стихах Цогто-тайджи, высеченных на скалах в Северной Монголии. Проанализировав их структуру и художественные особенности, автор подвел итоги, суть которых состоит в том, что «стихи напоминают нам один определенный тип

произведения старой монгольской письменности: народную песнь, попавшую в книгу и получившую поэтому книжный, письменно-монгольский облик» [48, с. 1263]. Он считал, что стихи подтверждают тесную связь ранней монгольской литературы с фольклорными традициями. Эта мысль была развита в его дальнейших трудах.

Таким образом, российское монголоведение, получившее импульс от западных исследователей, используя первоначально их методики и подходы в научной работе, постепенно выработало собственные взгляды на фольклорный материал и способы работы. К первой трети XX в. исследование монгольского поэтического народного творчества превратилось в самостоятельную отрасль знания с собственными методами анализа, богатой информационной базой и кругом научных вопросов. Сформировалась отечественная монголоведная фольклористика, подошедшая к решению глубоких теоретических проблем, связанных с генезисом, функционированием, художественными особенностями и структурой монгольского поэтического фольклора.

Summary

I.V. Kulganek. The specifics of Russian researchers' scientific contribution to Mongolian poetic folklore studies in the global Mongolian literature studies context (19th – early 20th centuries).

The article is devoted to one of poorly studied problems in Mongolian Studies, namely the historiography of Mongolian national poetics. The author characterizes the activities of Russian collectors, publishers and researchers of the Mongolian national literature, comparing their achievements in this area with a level of world philological idea. The author comes to conclusion that Russian mongolists have achieved great success in studying the Mongolian poetic folklore. They have posed and solved many questions connected with creation, functioning, structure and art features of folklore of many Mongolian peoples.

Литература

1. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. – 317 с.
2. *Сазыкин А.Г.* Введение // Валеев Р.М., Ермакова Т.В., Кульганек И.В. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). – Казань: Алма-Лит, 2004. – 288 с.
3. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста: Калмкнигоиздат, 1991. – 128 с.
4. *Gabelents H.C.v.d* Einiges über mongolische Poesie // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – Göttingen, 1837. – Bd. I. – S. 20–37.
5. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – 405 с.
6. *Позднеев А.М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов / Собр. и изд. А. Позднеевым. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1880. – 346 с.
7. *Владимирцов Б.Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). – Л., 1926. – 202 с.
8. *Герасимович Л.Г.* Монгольское стихосложение. Опыт экспериментально-фонетического исследования. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 128 с.

9. *Laufer Dr. Berthold* Skizze der mongolischen Literatur // Keleti Szemle-Revue Orientale. – 1907. – Bd. VII. – S. 165–261.
10. *Schott W*. Über die Sage von Geser-chan // Abhandlungen der Berliner Akademie. – 1851. – S. 263–295.
11. *Schmidt I.I.* Die Bogda Geser chan's des Vertilgere der Würzel der zehnŰbel in zehn Gegenden. – SPb., 1834.
12. *Орлова К.В.* История христианизации калмыков (середина XVIII – начало XX в). – М.: Вост. лит., 2006. – 207 с.
13. *Rosen S.* Ur den Mongoliska Bibelns Historia // Svensk. Missionstidskrift. – 1982. – H. 2.
14. *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in der Jahren 1802 und 1803. – Riga, 1804. – Bd. I–III;. 1805. – Bd. IV.
15. *Полянская О.Н.* Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 140 с.
16. *Кульганек И.В.* Новое о Роберте Юилле: из переписки с О.М. Ковалевским // ALTAICA IX. – М.: ИВРАН, 2004. – С. 57–70.
17. *Stumpf C.* Mongholische Gesange // Vierteljahrsschrift fur Musikwissenschaft. – Leipzig, 1887. – Bd. III. – S. 297–304.
18. *Руднев А.Д.* Мелодии монгольских племен // Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии. Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб., 1909. – Т. XXXIV. – С. 395–439.
19. Nordmongolische Volksdichtung. Gesammelt von G.J. Ramstedt. Bearbeitet übersetzt und herausgegeben von Harry Halen. –Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1973. – Bd. I. – 287 p.
20. *Чугуевский Л.И.* Архив востоковедов (б. Азиатский музей) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ РА СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. – М.: ГРВЛ, 1990. – Ч. III. – С. 3–128.
21. *Руднев А.Д.* Предисловие // Жамцарано Ц. Образцы народной словесности халха-монголов. – СПб., 1909. – Ч. 1.
22. *Ковалевский О.М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. – Казань, 1835.
23. *Ковалевский О.М.* Монгольская хрестоматия. – Казань, 1836–1837. – Т. 1–2.
24. *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. – Казань, 1844–1849. – Т. 1–3.
25. *Попов А.В.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журн. Министерства народного просвещения. – СПб., 1839. – Ч. XXII, Отд. II. – С. 56.
26. *Улымжиев Д.Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. пед .ин-та, 1994. – 108 с.
27. Алтан Тобчи. Монгольская хроника // Тр. Восточного Отделения Имп. Арх. Общ. – СПб., 1858. – Ч. VI. – С. 198–224.
28. *Бобровников А.А*. «Джангар» //Вестн. Геогр. Общ. за 1854 г. – СПб., 1855. – Ч. XII, Кн. 5.
29. Убаши Хун-тайджийн туджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрыйн туули / Изд. К. Голстунский. – СПб, 1864.
30. *Котвич В.Л.* Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. – М.: Вост. лит, 1958. – С. 196–199.
31. *Козин С.А*. Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. – М.-Л., 1940.

32. *Кичиков А.Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. – 320 с.

33. *Пюрбеев Г.Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. (Этнолингвистические этюды). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 128 с.

34. *Биткеев Н.Ц.* Джангарчи / Отв. ред. А.Б. Панькин. – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – 448 с.

35. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.-Л., 1941.

36. *Bartold W.* Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. – Berlin, 1898. – Bd. I, Abt. 1

37. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – Вып. 2; СПб., 1883. – Вып. 4.; Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб., 1893. – Т. I–II.

38. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. 1–2. Произведения народной словесности бурят / Собр. Ц.Ж. Жамцарано. – Пг.-Л., 1918–1930.

39. АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 62. Оп. 1. № 19, 40 (2, 3, 4).

40. Архив Ц. Жамцарано ИМБиТ СО РАН.

41. *Мюллер М.* Лекции по науке о языке / Пер. с англ. – СПб, 1865.

42. *Тимковский Е.Б.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годы. – СПб., 1824. – Т. III.

43. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. – СПб., 1828. – Т. 1–2; Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950 – Т. 1; М.-Л., 1953. – Т. 2.

44. *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. – Омск, 1888; Путешествия по Китаю и Монголии. – М., 1951.

45. *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной народной Азии. – М., 1946.

46. *Владимирцов Б.Я.* Рецензия: Новый труд по монгольской народной литературе на «Образцы монгольской народной литературы. Вып. 1. Халхаское наречие / Ред. Ц. Жамцарано, А.Д. Руднев. СПб., 1908» // Живая старина. Год XVII. – СПб., 1909. – Вып. IV. – С. 87–89.

47. *Владимирцов Б.Я.* Работы по литературе монгольских народов / Ред. колл. В.М. Алпатов и др. Сост. Г.И. Слесарчук, А.Д. Цендина. – М.: Вост. лит., 2003. – 608 с.

48. *Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи // Изв. Академии наук СССР. – Л., 1926. – Т. 20, № 13–14. – С. 1253–1280.

Поступила в редакцию
20.08.07

Кульганек Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.